

БУЛАТ АРСАЛ

КОРОТКИЕ
ПОВЕСТИ
О ДОЛГОЙ

ВОЙНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Булат Арсал

Короткие повести о долгой войне

«Автор»

2026

Арсал Б.

Короткие повести о долгой войне / Б. Арсал — «Автор», 2026

Задолго до начала специальной военной операции добровольцы русского мира поднялись на защиту своих домов, семей и своего права говорить на русском языке и жить свободной в истинно народных республиках Донбасса. Тем, кто не побоялся взять в руки оружие и не склонил голову перед оголтелым бандеровским неонацизмом посвящается эта книга.

© Арсал Б., 2026

© Автор, 2026

Булат Арсал

Короткие повести о долгой войне

Об авторе

Булат Арсал – авторский псевдоним, под которым свои работы публикует Салахов Артур Асхатович, родившийся в 1962 году в семье татарских нефтяников. После службы в Советской Армии окончил Казанский финансово-экономический институт и в 1987 году начал трудовую деятельность в Западной Сибири, где проработал несколько лет на различных должностях в сфере труда и управления персоналом, в органах исполнительной власти и в частном бизнесе. Далее в биографии автора был длительный период работы на Ближнем Востоке и в Западной Европе, на Южном и Среднем Урале, в Башкортостане и Казахстане, где он занимался разработкой и реализацией различных социально-экономических проектов регионального, национального и международного уровней.

В конце 2014 года в возрасте 52 лет автор добровольно отправился на защиту Донбасса от нашествия укрофашистской хунты. Начиная с 2015 года в течение трёх лет проходил службу в артиллерийских подразделениях Народной милиции ДНР, а с началом специальной военной операции Вооружённых Сил Российской Федерации на Украине вновь добровольно встал в строй и в составе стрелкового полка принимал участие в боях под Харьковом. Службу в армии Донецкой Народной Республики завершил в июле 2023 года на арёмовском направлении.

Первой изданной книгой о событиях на Донбассе стал сборник «Короткие повести о долгой войне», который вышел в свет в ноябре 2022 года. Через полгода появился следующий сборник коротких рассказов под названием «Мариупольский конвой». Далее в 2023 и 2024 года вышли книги: «Война под терриконами» и «Ихтамнеты», которые были удостоены Литературной премии имени А.Т.Твардовского. В данной сборнике объединены три главные повести Булата Арсала рассказывающие о войне на Донбассе в 2015-2016 годах и в начале специальной военной операции.

Раскалённый август

(Повесть в девяти главах с прологом и эпилогом)

Пролог

Изымтаривающий август две тысячи пятнадцатого запомнился палящим солнцем, превращавшим донецкую степь в раскалённый соте́йник, высушивая до трещин грунтовые стены глубоких землянок. Лишь воды Кальмиуса спасали изнурённых бойцов, испытывающих на себе каждодневный рецидив недосыпа на протяжении последних двух месяцев.

Вода оставила часть некогда широкого русла реки, образовав на суше оазис, покрытый густым кустарником и богатыми зарослями ивы. Кальмиус же излучиной прижимался к высокому берегу, составленному из гранитных скал, помнящих ещё времена азовских болгар, скифов и сарматов.

Теперь в тени этих скал под навесом естественной маскировки из рубленых веток уже несколько недель стояла батарея 122-миллиметровых гаубиц.

Почти полтора года прошло с того дня, как началась и всё не могла закончиться война на Донбассе, выкашивая с каждым днём десятки, сотни солдат и мирных граждан с обеих сторон линии соприкосновения. Части украинской армии и добровольческие нацистские форми-

рования как реванш за разгром под Дебальцево и позор многочисленных «котлов» ещё принимали неистово отчаянные, но мучительно бесплодные попытки прорывов и наступлений на всех участках фронта. Особенно активно в тот раскалённый август противник беспокоил южные и юго-западные направления обороны, надеясь отрезать республики Донбасса от Азовского моря и прилегающего участка границы с Россией.

Глава 1.

Вырытые землянки в жару использовались лишь в качестве убежища и складирования боекомплекта. Водители «квартировали» в кузовах своих же «Уралов», чем были почти гарантированы от незапланированных встреч с ползучими гадами, пресмыкающимися возле воды, и с опасной полёвкой, расплодившейся рядом с провиантом. Основной личный состав располагался в палатках, выставленных кругом под склонёнными почти до земли ветвями трёх древних раkit.

На обед снова привезли капустные щи, перловку с тушёнкой и какую-то коричневатую мутную сладкую жидкость, почему-то называемую чаем.

– Слышишь, Лёха, – постукивая алюминиевой ложкой о дно такой же миски, обратился к комбату наводчик Бурый, – если нам летом в жару обед холодным привозят, скажи, шо мы зимой хавать будем? Может, пока тут торчим, печку сварганим?

Лейтенант молча доедал кашу, и за него решил ответить Андрюха Тень – топогеодезист батареи:

– Ты, Бурый, не надейся, шо война так долго протянется. Слыхал про скорое большое перемирие? Глядь, по домам к зиме разойдёмся.

– Это ему покоя никак не даёт, шо в Донецке есть проспект генерала Гурова, а по имени Бурого нема даже захудалого переулочка или тупичка, – смеясь, вставил на южном русском суржики заряжающий четвёртого орудия Тоша.

Народ заголосил мужским дружным хохотом.

– Шутки шутками, – наконец в разговор вступил командир батареи, – не похоже, пацаны, что так скоро всё кончится, и думаю я, кабы и в самделе не начать нам подыскивать хоть в нашем посёлке какую-нибудь улочку без названия. Ну что, Бурый, сойдёт тупик в районном центре ради твоего героического позывного?

Мужики не унимались, продолжая подогревать разговор гоготом.

– Чего ржёте? Может, и мне звезду Героя дадут? – полушутя, с обиженным лицом ответил Бурый.

– Это ты в Широкино поезжай, – послышался голос из обедающих в тени, у самой речки, – его раз шесть туды-сюды за месяц брали, то наши, то «укропы». Там тебе будет или медаль на грудь, или клизма в задницу. Это как в бою увернёшься!

Снова раздался смех.

– Тут, Бурый, главное, незаметно к танку подползти, влезть на башню и по кумполу его, по кумполу! – не унимались шутники.

– А если башня открыта, то прямо туда гранатку. И переименуют Широкино в Бурыкино... Правда, на этот раз посмертно! Гы-гы-гы!

– Это же не самоходка. Танк в атаку с закрытым люком идёт, да и самоходчики его держат открытым, пока на месте стоят.

– Да-а! Самоходка – вещь! Сама снаряды свои возит и расчёт с персональным транспортом. Заряжающий на автоматике снаряды подаёт. Не то что мы – без буксира, як без ног. Сами таскаем, с грунта заряжаем, – вдруг заговорил командир четвёртого расчёта Дима с позывным Бублик.

– Ага, – с сарказмом вставил Тоха, – автоматика только при заведённом движке будет работать, а солярки у них, говорят, чтобы доехать до огневой и обратно. Так что ручками, ручками. Да и заряжающий там один и на болванки, и на гильзы. Я уж лучше тут, на свежем воздухе побегаю с напарником. Да и во время прилётов всему экипажу одна могила и одна хана. А тут хоть в укрытие можно спрыгнуть. Скажи, Лёха? Правда же?

– Правда, Тоха, только на войне выживает не тот, кто смелее, шустрее, сильнее, а тот, кому карта ляжет козырная. Повезёт – выживешь, нет – тут уж некого винить, такова судьба. Если уж смерть уготована, то она тебя везде найдёт. Хоть в окопе, хоть в танке, хоть в блиндаже, хоть на бабе. Да хоть на горшке с выпученными глазами! – под новый приступ всеобщего весёлого шума шутиливо вскричал на последних словах комбат.

Кто-то затянул незамысловатую частушку:

*Самоходку танк любил,
В лес гулять её водил.
Да от такого рómана
Вся рожка переломана...*

Кухня уехала. Закурили. Кто-то разложил нарды. Кому-то приспичило стирку затеять – благо что стоит жара и форма сохнет моментально. Большинство отправилось искать поудобнее и потенистее место, чтобы позволить организму добрать недостающие часы потерянного ночью сна.

Не тратил время зря только Миша Браконьер – механик-водитель «мотолыги» (многоцелевого тягача лёгкого бронирования). Прихватив вещевой мешок со снастями, ведро и широченную сеть, он отправился на пару с новеньким батарейцем Лёней Студентом на рыбалку. Надо сказать, что снастей особенно и не было, если не считать двухсотграммовую тротилловую пашку и моток огнепроводного шнура.

Проходя мимо дремавших в тени раakit сослуживцев, Миша многообещающе бросил:

– Братва, сегодня на ужин уха. Готовьте казанок с водой. Гы-гы-гы...

Браконьер разговаривал, заметно картавя и произнося что-то слитное между смягчённой буквой «р» и «л». Ещё он любил похвастаться будущими успехами и уверял всех, что скоро станет командиром первого орудия, потом выучится в офицеры и его назначат комбатом. Вот уж он наведёт порядок в артиллерии, и спуска не будет никому. Всё это вызывало сарказм в рядах боевых товарищей, но поводом витать Мише в таких эмпириях и грезить бредовыми фантазиями служил тот факт, что два родных старших брата уже были боевыми офицерами в дивизионе. Правда, сами родственники тоже не питали особых иллюзий относительно «думственных способностей» самого младшего брата, окончившего всего девять классов и справедливо занимавшего в семье третье место согласно табели о рангах в русских народных сказках. Однако парень неплохо ладил с техникой, и данное обстоятельство решило дело в пользу Миши, когда он напросился в армию. Дали ему «мотолыгу» без хода, и за пару месяцев машина была поставлена в строй вместе с механиком.

– Браконьер, а ты место хорошо знаешь? Рыба будет? – беспокоился Лёня Студент, сомневавшийся, что рыбалка в жаркий полдень – уместная замена послеобеденному сну в тени.

– Нема проблем, Студент. И рыба, и раки будут, – уверенно прокартавил Браконьер. – Мы только подальше вниз по течению спустимся, там на самом изгибе течение тормозится и вода собирается. Где вода, там и рыба. Понял? Говорю тебе, шо нема проблем...

Отошли от позиции на километр, и Миша подготовил взрывчатку, обмотав тротилловую пашку двумя витками огневого шнура и введя концевик в запальное гнездо. Обвязал кон-

струкцию толстым шнуром и спустился в реку, чтобы помочь напарнику растянуть сеть поперёк реки от берега до берега. Когда закрепили концы невода, Студент поспешил выйти из воды и предусмотрительно отлёг подальше от реки, в прибрежных кустах.

– Миша, а шнур у тебя не коротко получился? Успеешь смыться? Витков не маловато сделал? Шо-то и конец совсем рядышком, – беспокойно спросил он Браконьера.

– Ты не ссы, мы же её в воду бросим. Там шнур дольше горит... Успею! – уверенно улыбаясь, бросил через плечо Миша и вошёл по пояс в воду с взрывчаткой в одной руке и зажигалкой в другой.

– Да кинь ты её с берега, – ещё больше заволновался Лёня, вдруг вспомнив что-то про особенности горения огнепроводного шнура в разных средах, о которых им рассказывали ещё в мотострелковом батальоне, когда он воевал под Новоазовском.

– Не, не доброшу я. Да у меня тут целых сантиметров десять торчит. Успею! – уверенно крикнул Браконьер и поднёс пламя к концу шнура.

Студент, пряча голову под бушлат, вдруг отчётливо вспомнил занятия по сапёрному делу в прежней части, где суровый усатый беспалый прапорщик-сапёр тоном дотошного наставника, не терпящим возражений, чётко докладывал: «Огнепроводным шнуром тротилтовую шашку обязательно надо обмотать не менее четырёх (!) раз, оставив конец для поджога не короче (!) тридцати сантиметров, так как скорость горения шнура на воздухе один сантиметр в секунду и боец должен успеть добежать до укрытия... Надо помнить, что под водой шнур горит гораздо быстрее, чем на воздухе, и чем глубже он находится, тем выше эта скорость из-за увеличения давления на глубине...»

Уже услышав гулкий звук взрыва и ощутив над головой лёгкий порыв горячего ветерка, Лёня, осеняя себя крестом, подумал: «Капец Мише! Привет родителям! Аминь и царствие небесное!...»

...Сквозь рассеивающийся вдоль течения дым постепенно вырисовывался отчётливый силуэт ссутулившегося человека, сжимающего голову обеими руками и пытающегося выйти на берег, сильно мотаясь из стороны в сторону. Он буквально полностью был покрыт всем осадочным шламом и прочей склизкой вонючей мулякой, которые были подняты с того места реки, куда Браконьер так «профессионально» забросил взрывчатку в надежде на богатый улов. Когда Студент, «уронив челюсть», увидел охреневшие глаза впавшего в когнитивный диссонанс человека в «парике» из ниспадающих водорослей, то упал на колени и, ухватившись за живот, принялся в истерике и приступе гомерического ржания кататься по траве.

Миша наконец-то выбрался из воды и, усевшись на прибрежный валун, начал постепенно снимать с себя «парик» и прочие «гостинцы» со дна Кальмиуса. Дым окончательно рассеялся. На поверхности излучины реки на боку лежала пара крохотных пескарей, а к ногам Браконьера, с тупой рассеянностью глядящего на воду, речная волна подталкивала небольшую окочурившуюся лягушку кверху белым пузом.

Когда они вернулись на позицию, то с удивлением обнаружили, что в казане варилась уха, а у воды несколько ребят очищали от остальной добычи двадцатиметровую сеть, которую натянули поперёк реки ещё в три часа ночи, сразу после боя, да только выше по течению...

– Да-а, Миша, – грустно сказал Студент, почёсывая затылок, – ни взрывчатки, ни рыбы. Лучше бы я спать остался, чем с тобой воду мутить ходил...

За ужином вся батарея веселилась хохотом и просила ещё и ещё раз рассказать Лёню, как Миша шашку бросал и как весь в дерьме из воды вылезал. Одно слово – Браконьер!

Глава 2.

В сумерках укладывались, не снимая обуви. Знали, что спать не придётся, но всё же умудрялись успеть увидеть сны, в которых под храп некоторых товарищей приходили мамы, дети с

жёнами, а также живые картинки из когда-то мирной жизни. Вот снится, допустим, женщина, вся нагая, с такой пышной копной рыжих волос и шикарной белой грудью, целует в губы и с пылкой нежностью шепчет тебе на ушко: «Любимый... Возьми меня, дорогой... Возьми меня всю... Возьми меня с собой в разведку... Я тебе детишек нарожаю целую батарею, и будем мы тебе снаряды да патроны подносить». А потом вдруг как заорёт истошно и надрывисто голосом комбата: «Батарея! К бою!»

В дым рассеивается морфическая иллюзия сладкого видения, и пошли ребятки к орудиям, накрытым пересохшими ветвями, вылезая из палаток и землянок, на ходу прикуривая сигарки и подсвечивая под ногами тонкими лучиками фонариков. Раскидав маскировку, заряжающие принимаются разбирать содержимое ящиков, выбирая гильзы и пульки, выкладывая их в два рядка в стороне от пушки, «пятками» к ней. В ночной тишине слышны лишь вполголоса произносимые команды: «Расчёты к орудиям...», «Заряжать полными...», «Ориентир на компас...», «Заряд осколочно-фугасный...», «Заряжающим колпачки снять...», «Прицел...», «Уровень больше (меньше)...», «Левее (правее)...», «Высота...», «Дальность...»

В ответ слышны повторы вводных параметров и тут же короткие доклады командиров орудий: «Первое орудие готово...», «Второе готово...», «Третье готово...», «Шестое готово...»

Вот он – момент истины. И каждый понимает, что через несколько мгновений со скоростью почти семьсот метров в секунду шесть снарядов, выпущенных из всех стволов батареи, как кара небесная, разрушат чью-то оборону, уничтожат вражескую технику, прервут чью-то жизнь, и самое страшное, что не одну...

– Передаём произведения классической музыки для тех, кто не спит! – торжественно и с пафосом проговорил Бурый, пародируя диктора Кириллова, и, завершив наводку, добавил: – Серафим Туликов, песня «О Родине», мать вашу!

Чёткая и вполне ясная, как приговор трибунала, раздаётся команда:

– Триста тридцать три!

Теперь уже ничего не изменить. Полетели ангелы кары небесной, сокрушая воздух пламенем и гулом, соизмеримыми с тысячью громов и молний, освежающих майские вечера в весенних парках и дворах. Но тогда был август две тысячи пятнадцатого, раскалённый жарким солнцем последний месяц лета.

А на расстоянии в десять тысяч метров от батареи в сторону Донецка двигалась колонна противника из шести реактивных систем залпового огня и двух грузовиков с боезапасом. Двигалась, чтобы удобно расположиться за терриконами и прицельно-методично начать убивать спящее население города-миллионника, в котором помимо дислоцирующихся на окраинах воинских частей и блокпостов жили простые мирные люди: старики, женщины, дети. Там в этот час мирно спали семьи многих, кто в данную минуту подавал снаряды, заряжал и наводил орудия, корректировал огонь и отдавал команды. За их спинами не было Москвы, но отступить ни одному из них уже было некуда.

– Расчётам! Десять беглым по мере заряжания! Огонь! Огонь, пацаны! – надрывным криком отдавал приказы комбат Лёха.

И пошла канитель, отражаясь эхом от гранитных скал по ушам батарейцев, оглушённых напрочь работой собственных орудий. Заряжающие, заливаясь потом и подгоняемые командирами расчётов, спотыкаясь о стреляные гильзы, то и дело ослепляемые яркими огненными вспышками из стволов, спешно подносили снаряды и гильзы к казённым, через мгновение вновь и вновь возвращаясь с очередной порцией смерти. Через минуту-другую в резко наступившей тишине послышался уже спокойный голос комбата:

– Отбой орудиям! В укрытие, братва!

И снова Бурый по пути к яме успел пошутить:

– Будем слушать «Спокойной ночи, малыши» в исполнении украинской арт-филармонии.

Бойцы, не особенно поспешая, побрели к буссоли, рядом с которой была вырыта неглубокая землянка, покрытая двумя слоями толстых брёвен. У входа в укрытие сидел Лёха, разговаривая по рации с «глазами» – корректировщиками огня на передовой.

– Вот, парни, – закуривая папиросу и уже поудобнее располагаясь среди бойцов в землянке, весело начал Лёха, – батарею БМ-21 мы сейчас накрыли. Там огня столько, хоть за сто метров прикуривай. Амиго с Батей говорят, что процентов на девяносто накрыли бандерлогов поганных.

Народ, затягиваясь куревом, одобрительно загудел басами, одновременно с тревогой прислушиваясь к отдалённым взрывам ответной работы украинской артиллерии.

Корректировщики, неделю пронаблюдав за передвижениями техники противника, передав точные координаты и убедившись в хороших результатах работы батареи, прибыли на огневую. Утомлённый взгляд над впалыми щеками на пропитанных пылью и до черноты загоревших лицах, изнурённых длительной и рискованной боевой работой под палящим солнцем, говорил об огромном желании мужчин просто упасть в тени и отрешиться от суеты окружающего бытия глубочайшим сном. В широких маскировочных комбинезонах со свалывшейся бахромой они напоминали трёх леших из сказочного леса, пугая двух непрестанно крестившихся и причитающих бабулек, стоявших за плетнём небольшого хуторка вдоль просёлочной дорожки.

– Ну и что мы там намолотили за неделю, пацаны? Интересно хоть разок посмотреть, как ложатся наши фугасы, – нетерпеливым тоном спросил комбат Лёха, сидя с голым торсом на пустом ящике из-под снарядов и подшивая свежий подворотничок.

– Это поначалу весело, – выбросив окурок, ответил всегда неторопливый Формил и, открыв журнал наблюдений, продолжил: – А когда полежишь в горизонтальном положении три-четыре дня, то всё проклянёшь.

– Ага. Летом ещё куда ни шло, если дождя нет. В снегу совсем мало радостного, – включился в разговор Саня, которого вся батарея с самого начала формирования части вполне заслуженно именovala Батей. – Помню, как в первый раз меня Амиго зимой оставил в наблюдении на ночь. Так к утру метра полтора навалило, что откапывать пришлось.

– Да ладно вам, братва, на боекомплект не ездим, в наряды ходим меньше всех. Ну, бывает, что и под дождичком лежим, и в снегу в памперсах. Но вы слышали, чтобы из разведки хоть кто-то добровольно уходил? – высказался наконец Амиго, уже более года воевавший на Донбассе, приехав добровольцем из Рязани.

– И то верно, – за всех согласился Батя.

– Намолотили, комбат, мы хорошо. В штаб дивизиона отчёты каждый день отправляли, – листая страницы журнала боевых действий, начал отвечать старший группы Формил. – Попадания почти каждый день больше семидесяти процентов, а ту колонну «Градов» под Гранитным в пух и прах с первого залпа расколошматили. Беглым огнём вы уже просто рвали недобитый хлам. Беготни не видно было. Наверное, в живых не осталось никого.

– Это здорово! – удовлетворённо проговорил лейтенант, зубами отгрызая нитку от подшитого подворотничка на застиранном, выцветшем кителе и любясь проделанной работой. – Это очень хорошо. Значит, не зря мы тут загораем. Хорошая стрельба при удачной корректировке огня всегда неплохой результат приносит. Одно без другого не может работать. Швейная иголка без нитки не пришьёт пуговицу, как и нитка без иглы бесполезная в этом деле ерунда получается.

Алексей был связан с вооружёнными силами не более, чем многие парни, встретившие призывной возраст ещё в Советском Союзе, где было недостойным не служить. Как и большинство добровольцев, создавших костяк ополчения Новороссии, он работал в мирной стране

на шахте, растил сына и строил планы на будущее. Война изменила привычный образ жизни и прописанный сценарий семейного счастья, как и судьбы сотен тысяч жителей Донецка, Макеевки, Горловки, Енакиево, других городов и сёл Донбасса. Войну он начинал с обычного заряжающего, как и большинство артиллеристов, однако уже через полгода боевых действий взял под командование батарею гаубиц Д-30, чему был не просто рад, но и всемерно старался соответствовать высокому званию офицера. И это у него получалось безупречно. Солдаты заслуженно уважали лейтенанта Алексея Фурсова.

У Сани Бати всё оказалось намного трагичнее. Война вынудила его добровольно оставить врагу дом, хозяйство и всё нажитое и просто бежать на территорию Донецкой Народной Республики, буквально за считанные минуты до ареста уйдя из-под носа офицеров контрразведки Украины. Уже несколько месяцев спустя вся семья воссоединилась в районном посёлке, где дислоцировался гаубичный артдивизион мотострелковой бригады армии ДНР. А там и муж единственной дочери также пошёл служить с тестем в одну батарею. Пришлось снова влезать в солдатскую гимнастёрку спустя почти тридцать лет после службы на Байкало-Амурской магистрали. Главное – надо было многому учиться заново. Особенно учиться воевать, чему способствовала жёсткая самодисциплина Александра, воспитанная нелёгкой жизнью человека, оставшегося рано без отца и взвалившего на свои плечи воспитание младших сестёр. Любое дело, за которое брался Батя, буквально горело в его руках, он показывал мастерство в любой сфере – от иголки с ниткой до восстановления разной бытовой техники и машин с двигателем внутреннего сгорания. Его самодельный вещевой мешок, с которым он отправлялся в разведку, способен был вмещать в себя определённо всё, что могло пригодиться на задании, без увеличения в объёме самой торбы. Множество потаённых кармашков, вшитых мешочков, пистончиков и подкарманников, придуманных Александром, были так умно и равномерно размещены, что даже полное их наполнение патронами, гранатами, батарейками для радиации, фонариками, спиртовыми таблетками, охотничьими спичками, разнокалиберными ножиками, консервами и фляжками с водой, а также памперсами и туалетной бумагой в целом не создавало особой тяжести. В общем, поучиться молодым разведчикам у Бати было чему.

Николай из Рязани с дружеским позывным Амиго был парнем со своими секретами под кепкой, держался достаточно независимо в коллективе, даже в отношениях с офицерами дивизиона позволяя иногда чрезмерную фривольность. На погонах тремя зелёными полосками было отмечено сержантское звание, но выправка, внутренний стержень самодисциплины, прекрасные данные спортивного гимнаста, превосходное умение работы с картами и знание разведывательного дела в прифронтовой зоне вызывали к этому почти тридцатилетнему парню гамму вопросов, которые он, хитровато улыбаясь, оставлял всегда без ответа. Жил он, в отличие от всех, не в церкви, любезно оставленной ополчению свидетелями Иеговы в качестве казармы, а в частном доме, где его всегда ждали и домашний ужин, и чистая постель на мягкой кровати, и некая одинокая молодуха. Всё это только добавляло загадочности Амиго, хотя, как некоторым казалось, ему нравилось представлять себя неким ребусом, сложной шарадой в коллективе простых и открытых парней, постоянно вызывая интерес к своей персоне дурными привычками хорошего тона, выражавшимися в вежливой дерзости и самодовольстве. В коллективе его любили, но настоящей дружбы он сам ни с кем не водил и не искал. Да и была в его характере некая сжатая пружинка, которую лучше было вообще зря не трогать...

Серёга Формил – лейтенант из местных добровольцев и офицером стал лишь на войне, куда приехал как в длительную и дальнюю экспедицию, загруженный туристической палаткой, спальным мешком, несколькими комплектами камуфлированной формы, зимними и летними берцами, брезентовой плащ-накидкой, не одним комплектом белья и несколькими автомобильными аптечками, тактическими перчатками, ремнями и сумками, натовской фляжкой, фонариками, разнокалиберными ножами и ещё много чем, чего в начале войны в ополченческих формированиях не было по определению, но без чего нельзя было обойтись в боевых

полевых условиях. В общем, сразу видно – бывший снабженец с огромным опытом экспедиционных командировок. В дивизионе Формил считался лучшим разведчиком-корректировщиком и часто проводил подготовку новичков из других батарей. Держался он чаще особнячком, иногда вежливо подчёркивая своё офицерство среди личного состава. Обиды или неприязни это не вызывало, тем более что не на широкую Масленицу все приехали, да и за уши никто никого на войну не тянул.

– Когда в следующий раз пойдёте? – надевая подшитый кителёк, спросил Лёха.

– Возможно, что уже через пару деньков, – ответил старший группы и добавил: – Но пойдут Амиго и новенький.

Алексей поднял на Формила удивлённый взгляд.

– Тут Студент давно к нам просится. Говорит, что под Новоазовском в разведку ходил. Опыт, мол, имеет, – высказался Амиго.

– А что это он ко мне сам не подошёл? Я уж вижу, как он загибается на зарядании, да и на погрузке боекомплекта частенько «грибы пинает». Позовите-ка этого сморчка сюда.

Лёня был неподалёку, ожидая заранее вызова.

– Товарищ лейтенант!.. – начал было солдат с явным волнением в голосе.

– Вольно. Садись. Слушай, – успокоил комбат и продолжил: – Вижу, как не нравится тебе ящики перегружать да снаряды к казённику подтаскивать. Можешь даже не рассказывать про «всю жизнь мечтал стать разведчиком». Знаю. Вижу. Но скажу тебе вот что, – Лёха встал, размял отёкшие от долгого сидения ноги, застегнул портупею, поправил кобуру и, набучив брови, выдал разом и сурово: – Ежели там не понравится, взад не возьму. Мне у каждой гаубицы слаженная команда нужна, а не эстафета туда-сюда. Вон в дивизионной столовой третья батарея два месяца в наряде и давно уж просит к ним на помощь подмену прислать. Если и здесь начнёшь перебирать, то до отпуска на кухне посудомойкой будешь ордена зарабатывать, пока мы тут в войнушку играем. Понял ход моих мыслей?

– Так точно! – радостным фальцетом вскрикнул Студент, обратив на себя внимание находившихся рядом бойцов.

Лёня успел в самом начале войны окончить техникум в Енакиево и сразу побежал записываться в ополчение, как и многие вчерашние мальчишки вслед за отцами и старшими братьями, оставившими угольные забои и взявшими в руки оружие. Никто особенно не интересовался историей его службы в пехоте под Новоазовском, довольствуясь фактом пулевого ранения ноги и малозаметными последствиями средней контузии. Дома осталась моложавая ещё мамаша, с которой Студент общался реже, чем с многочисленными «зайками» и «котиками», постоянно названивавшими на его мобильный телефончик. Излишняя бравада и частые рассказы о его «боевом пути» в четырнадцатом постепенно стали вызывать некую подозрительность и слабое недоверие среди братвы, которая или научилась пропускать мимо ушей новую «героическую историю», или просто переключала разговор на другую тему. Лёня замолкал, но не обижался, ожидая следующей возможности порисоваться, выставляя напоказ сомнительные козыри. Конечно же, завирался, путал места и даты, свидетелей и сами «подвиги», чем только больше забавлял батарейцев.

После двух дней отдыха, сразу после ужина, снарядив корректировщиков-разведчиков всем необходимым, проверив оружие и проведя краткий инструктаж, Формил отправил Николая Амиго и Лёню Студента на боевое задание. Вернуться они должны были через двое-трое суток. Уже в полночь от них пришёл первый сигнал на управление огнём бригады, а через три минуты Лёха-комбат пронзил тишину ночи звонким командным голосом:

– Батарея! К бою!

Пока расчёты поспешали к орудиям, разбирали шуршащие ветки маскировки, вскрывали ящики и раскладывали снаряды, комбат подзвал командиров отделений и каждому раздал по шесть упакованных в маленькие конвертики лезвий для безопасной бритвы. Никаких вопросов никто не задавал, и, разойдясь по расчётам, они просто передали их заряжающим, которые немедленно начали отворачивать боевые головки и, вложив в образовавшуюся щель, зажимали лезвия, плотно закручивая головки на место. Отдельных приказов на снятие ударных колпачков никто не ждал, потому что каждый знал, как близко к земле разлетаются осколки, если снаряд достигает плоскости без них, оставляя самые минимальные шансы на выживание в радиусе двух сотен метров от эпицентра взрыва.

– Нам тут пленные не нужны! Возись с ними потом, охраняй, корми... Нам самим жрать нечего! – рассуждали батарейцы, представляя визуальнo, как молниеносно разлетаются рваные осколки, срезая ряды вражеской пехоты, словно кукурузные стебли, скошенные в пылу уборочной страды.

Пошли привычные команды, повторяя тот же сценарий из ночи в ночь. Наполненность зарядов, уточнение координат, многократное повторение наводчиками и командирами расчётов цифр по игреку и по иксу, параметров дальности и цели. Наконец шесть докладов в порядке возрастания: «Первое орудие готово!», «Второе орудие к стрельбе готово!», «Третье готово...», «Четвёртое...», «Пятое...», «Шестое орудие к стрельбе готово!»

– Господа! По многочисленным просьбам радиослушателей из незалёжной Украины передаём «Танец с саблями» композитора Хачатуряна! – снова взбодрил всех Бурый голосом того же Игоря Кириллова.

Командный пункт молчит. Возникла тревожная пауза. Что-то не так? Отбой? Может, решили отложить? Но орудия уже заряжены, и снарядам только одна дорога – из ствола. Что там шебуршит в рации?

– Командирам орудий! Внимание! Ждём начала движения целей, – послышался чуть взволнованный голос комбата.

Минута, две, пять... Сколько можно ждать? Спокойно, Ипполит. Спокойно... Прямо как на охоте. Вот он – зверь. Притаился за уступом скалы или деревом, осторожничают, не спешит. То одной лапой потрогает тропу, то другой. Принюхивается, гад. Бережётся. Медлит. А ты не спеши, не шелохнись, глаз от прицела не опускай, пальчик держи на курке, дыши ровно и неслышно. Что это за звук странный? Саранча стрекочет в ночи или цикада, а может, просто кузнечик? Да нет же! Это зашумели отложенные наушники рации. Лёша быстро поднёс их к правому уху и тут же, разрывая горло, зарычал:

– Триста тридцать три!

Ночной небосвод на мгновение осветился ярчайшим пламенем шести стволов, а тишину чёрной мглы, как и несколько ночей подряд, разорвала мощная канонада, сопровождаемая на этот раз режущим слух, страшным, визжащим свистом-скрежетом стремительно улетающей смерти. Вибрация лезвий на бешеной скорости, как всегда, нагнала панической кошмарной жути.

Снова тишина и ожидание... Вновь нервно застрекотал кузнечик в наушниках...

– Внимание расчётам! Пять беглым! Осколочно-фугасным! Заряд полный! Огонь по готовности! Поехали, пацаны!

Вновь свистящий скрежет средь общего беспорядочного гвалта орудийных выстрелов, яркие вспышки, крик командиров... И через минуту опять тишина.

Отошли к укрытию. Перекурили какое-то время. Начали травить анекдоты. Кто-то успел даже вздремнуть. Рация заработала. Побежали, спотыкаясь об ящики, разбросанные гильзы и раздвинутые станины гаубиц... Стреляли уже без лезвий в снарядах, что поубавило веселья в работе, хотя никак не сказалось на результатах. После четвёртого подхода стало понятно, что боекомплекты в расчётах полностью опустошены.

– Всё, мужчины, – устало, но с подколкой заговорил комбат, – кончились боги войны. Начинаем упражнения по переноске тяжестей и замене пустых ящиков на полные. Чем раньше закончим, тем ближе отбой и сладкий сон. Похоже, больше работы на сегодня не предвидится.

Пока пополняли боекомплекты, поняли, что резервов в остатке всего на одну ночь и ждёт нас завтра «веселье» с бодрящей и краткой аббревиатурой – БК, что в солдатском просторечии означает погрузочно-разгрузочные работы с боекомплектом на огневой и на отдалённом складе. А чтобы огневая позиция не была оголена, то в порядке установленной очередности из шести расчётов уезжали два, и команда в количестве восьми бойцов за световой день должна была загрузить и отправить не менее шести машин с шестью десятками семидесятикилограммовых ящиков в каждом кузове. По приезде уже в крошечной темноте августовского южного лета времени на отдых не оставалось, потому что снова начиналась маленькая война под скромным названием «позиционные бои местного значения».

Однажды после такой сумасшедшей, на износ, бешеной, напряжённой разгрузки-погрузки, совмещённой с ночными боями, когда братва свалилась под тремя ракитами, не влезая в палатки, а ранние тонкие лучики рассвета уже пробивались сквозь густую, мощную гриву старых деревьев, совершенно неожиданно для всех усталым хриловатым голосом Бурый прочитал несколько строк:

*...И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...
И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...*

– Ну ты, Бурый, прямо поэт! Сам сочинил? – не поднимая головы, спросил Дима Бублик.
– Да какой он «сам»? Похоже на Пушкина или на Лермонтова, – вставил кто-то.
– А ты разве, кроме этих двоих, вообще знаешь кого-нибудь ещё? – уже ухмыляясь, поддел того Бублик.

– Да нет же, пацаны! Я это в кино каком-то уже слышал. Вот убей, не помню, – авторитетно заключил Тоха.

– Эх вы! Пушкин! Лермонтов! В кино он слышал! Никакой культуры нет во вверенном вам, товарищ лейтенант, подразделении! – глубокомысленно подвёл итог гаданиям Бурый.

Лёха-комбат шёл со стороны речки, охолонувшись после длинной ночи, и, растирая торс полотенцем, заметил:

– Принимаю ваше замечание, товарищ сержант, и назначаю вас старшим по батареейной библиотеке и культур-мультирному досугу.

– Во попал Бурый! – явно прогнав сон, зашумели батарейцы.

Бурый, продолжая лежать на спине, надвинув козырёк кепки на глаза, спокойно ответил:

– Есть, товарищ командир! Прошу выделить из кассы денег на домино чи нарды с картами и полное собрание сочинений классиков русской литературы. Заведём избу-читальню и курсы учпедгиза, а также кружок художнеі самодіяльністі имени монаха Бертольда Шварца, как в «Двенадцати стульях».

– Зачем нам ещё педгиза? Не нужна нам никакая педгиза! – в шутку возмущаясь, заметил Бублик.

– Учебно-педагогического издания! Вот бестолковщина неотёсанная. Товарищ солдафон, в вашем обществе совершенно невозможно интеллектуальные беседы беседовать, – наигранно, с издёвкой ответил Бурый и снова обратился к комбату: – Ну шо, товарищ комбат, будем нарды с картами покупать?

– Нарды разрешаю, книжки организуем бесплатно, а карты в армии можно только тактические. Поэтому отставить карты! Но лично для тебя купим контурные. Будешь Украину в цвета нашего флага раскрашивать и по почте в Киев отправлять. У тебя там есть знакомые?

– Ага, Порошенко Петро Алексеевич! – ухмыляясь, ответил Бурый.

– Да-а, Бурый, не надо было умничать! Теперь держись! Взвалил общественный хомут! – снова подтрунил чей-то голос со стороны постепенно засыпающих солдат.

И только Седой, который расположился ближе всех к Бурому, продолжая удивляться неожиданно открывшемуся таланту сослуживца, дослышал из его уст последний куплет стихотворения Александра Блока «На поле Куликовом»:

*...Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!*

«Точно. Попал ты, Бурый», – подумал Седой и ушёл в глубокий безмятежный сон.

Безмятежным сном заснули и Бурый, Дима Бублик и Тоха, Игорёк Шурави и Миша Браконьер, Андрюха Тень и Коля Крылатый, Антон Шон(енко) и Саня Шахтёр, и братья Базь. Под тенью густых ракит спала батарея выгоревших под донбасским солнцем и опалённых войной, пропахших порохом, дымом и крепким табаком, давно не бритых разновозрастных мужчин. Только и остаётся гадать, что могло привидеться каждому из них в персональных снах в то редкое время суток, когда каждый оставался наконец один на один с собой. Только зная довоенную жизнь некоторых, можно было, пусть весьма приблизительно, предположить некоторые содержания...

Бурый был человеком незаурядным, много читающим, помнящим массу стихотворений наизусть, чем пользовался перед неискушённым слушателем, выдавая некоторые четверостишья за плоды собственного поэтического вдохновения. Украинский язык, в отличие от многих земляков-харьковчан, знал поверхностно, хотя любил вставить иногда некоторые слова из мовы, скорее для красочности, чем для полноты выражения мысли. Звали его Валерой, но привычка жить по кличке, начиная с малолетней зоны, не оставила ему выбора в жизни новой, когда Бурый стал не просто позывным, а именем собственным в полном понимании этого слова. Мама и братья остались в Харькове, когда с первыми ополченцами батальона «Оплот» Валера уехал на оборону Славянска и Русского мира под знамёна легендарного Игоря Стрелкова. Собственной семьи у него не было и на вопрос «почему?» Валера отвечал с юмором:

– В неволе не могу размножаться, а из тридцати пяти годков пятнадцать за решёткой вырезал картины на разных досках.

Кстати, художник он был от Бога, чему доказательством были нарды, которые он буквально создал на глазах батарейцев, разукрасив их стодолларовым «орнаментом».

Что мог видеть во сне Димка Бублик, проработавший десять лет из своих двадцати восьми горнорабочим очистного забоя на шахте в Енакиево, куда спустился вслед за прадедом, дедом, отцом и старшим братом? Традиционная, более чем столетняя, семейная династия на Донбассе, не прерывавшаяся ни в годы двух мировых войн, ни в лихолетье гражданского кровопролития в двадцатых годах двадцатого века, ни в эпоху разброда и шатания после распада

великой страны под названием Советский Союз. Семья у Димы была – вторая жена и мать. Две дочки от первого брака к началу войны уже жили на «материковой» Украине и давно звали папой чужого дядю. Проживали они с женой и его матерью втроём. Если Дима вырывался в двухсуточный отпуск, то умудрялся не только довести до домочадцев накопленную за пару месяцев зарплату, но и обязательно надраться водки уже на обратном пути до расположения батареи, хотя дорога занимала не более четырёх часов... А много ли надо, умеючи-то?

Несмотря на слабость к алкоголю («А кто не пьёт? Ты мне скажи!»), это был безобидный, скромный и очень исполнительный командир орудия, готовый прийти на помощь всегда и любому. А то, что Бурый был наводчиком именно его орудия, Бублика радовало особенно. И не только по причине профессионализма, но и потому, что Димка Бублик, будучи ленивым до чтения, тем не менее умел быть самым благодарным слушателем устных пересказов различных романов, которые часто декламировал Бурый. Временами Бублик засыпал под воздействием мерного потока иногда непонятных (для его уровня начитанности) слов. Когда в его орудийном расчёте появился российский доброволец с позывным Седой и за первый час знакомства рассказал пять дюжин анекдотов и краткую историю Приазовской Болгарии, Димка откровенно не скрывал радости. И снова не потому, что в его распоряжении оказался шустрый и крепкий заряжающий, а скорее всего по причине расширения репертуара «литературных вечеров», так обожаемых Бубликом. Складывалось впечатление, что, словно крот, пробыв треть жизни в подземелье, он вдруг увидел солнечный свет, чистую красоту природы, свежую голубизну неба и узнал, что «наверху» совсем другое, более богатое и насыщенное многими событиями и знаниями бытие, которое прошло до обидного мимо его ещё молодой биографии. И вот благодаря войне, именно благодаря этой страшной и грязной войне потомственный шахтёр вышел из забоя и встал в строй, где рядом, плечом к плечу стояли тысячи таких же шахтёров, металлургов, водителей, сельчан, продавцов, бухгалтеров, артистов, бывших заключённых и милиционеров. Это были люди с разным достатком и уровнем образования, интеллектом и мотивацией. Но среди них было очень много людей, которые знали гораздо больше Димки Бублика и, по сути, для него становились некими ходячими и говорящими библиотеками-энциклопедиями в самых широких человеческих познаниях. Оставалось только вытянуть из этих людей по максимуму их знания, чем Димка и пользовался при любой возможности. Война для него стала университетом...

Первым заряжающим в расчёте Бублика был Тоха по имени Антон, который только и успел в жизни, что закончить «бурсу», как началась война. Задорность, часто переходившая в бесшабашность, изумительным образом сочеталась с высокой выдержанностью и спокойствием в боевых условиях. Никто и никогда не мог упрекнуть его в нечестности, в желании увильнуть от работы или дополнительных нагрузок. Он первым и без уговоров ловко забирался на кузов грузовика во время разгрузки-погрузки снарядов, без предупреждения и заранее подготавливал боекомплект и рабочее место перед боем, всегда был среди добровольцев, когда была нужда в таковых для исполнения сложных боевых задач. Тоха был дружен со всеми, однако в душу к себе никого и никогда не подпускал даже в минуты общих застолий после огневых позиций. Когда подвыпившие одnobатарейцы начинали изливать ноющую боль в жилетку друг другу или спьяну делились радостными планами на жизнь, то Антон оставался и здесь всего лишь сочувствующей жилеткой и не более.

Когда Андрюха Тень появился в батарее, всем захотелось его назвать Шуриком. Шустрая ходьба при невысоком росте, несколько отрывистая, но грамотная речь, традиционная широкая белозубая улыбка в приветствии и привычка поправлять роговые очки на переносице во время разговора всем без исключения напоминали в Андрюхе Шурика из «Кавказской пленницы». Но он назвался Тенью и на этом вопрос был снят, хотя бывало часто, если кто-нибудь из бригады, не зная этого позывного, разыскивал батарейного топогеодезиста, то чётко называл его приметы следующим образом: «Ну этот, как его? На Шурика похож! Во!»

Как и многие в батарее, Андрюха начинал в 2014-м с блокпостов и участвовал в различных батальонах, которые в первое лето войны создавались чуть ли не в каждом посёлке и даже городском квартале. Служба в бригаде была не случайна для него ввиду её удобного географического расположения рядом с домом. Так что если большинство артиллеристов гаубичного дивизиона защищали в целом территорию республики, находясь за десятки и даже сотни километров от жён и детей, то Тень держал оборону практически за околицей своей малой родины, в чём и проявлялась его практическая натура человека неприжимистого, но рачительного и экономного. Тут, пока одни в увольнении время и деньги теряют, Андрюха раз – и в домике. Буквально как тень в полдень – вот она с одной стороны плетня, а глядишь, и уже с другой...

Игорь Шурави вернулся из Афганистана в год вывода Советской Армии в далёком 1989-м, пробыв в горах Гиндукуша полтора года и уже к своим девятнадцати узнав все «прелести» войны в составе десантно-штурмовой роты. На «гражданке» Игорь выбрал не менее героическую и в то же время весьма опасную работу горноспасателя, также по «династийной» традиции. В батарее частенько учил молодёжь правильно управляться с личным оружием, показывая разные маневренные переходы в стрелковом контактном бою. И хотя артиллеристам сия наука была вроде и ни к чему, но особенно молодые парни с охотой перенимали некоторые приёмы и даже иногда превосходили Шурави в ловкости.

Игорь был человеком немногословным, но умеющим слушать и включаться в разговор только по темам, в которых он сведущ, дабы не оконфузиться и не оказаться пустозвоном. Одним словом – серьёзный семейный мужик с самой что ни на есть рабочей закалкой.

Коля Крылатый и Антон Шоненко за два года до войны окончили один машиностроительный техникум в Донецке, пришли на батарею с самого первого дня её формирования, ещё осенью 2014 года, и с рядовых заряжающих доросли до командиров расчётов, оттачивая мастерство в боях. Они были разные, но, дополняя друг друга, создавали образ единого целого. Всегда весёлый светловолосый Николай был настоящим рубахой-парнем, никогда не хмурился и не унывал, умело скрывая собственные душевные страдания от чужих глаз. Темноволосый черноглазый Шон всегда был покрыт ореолом подозрительности, скуп на беседы и досужие разговоры в курилке. Казалось, что совсем не война сделала его таким, тем более что он никогда на словах не проявлял какой-то злой агрессии к украинской армии или к нацистам. Но работали парни со своими расчётами как настоящие снайперы, которым чаще других доверялась какая-нибудь разовая «ювелирная» работа по важным целям. Когда же их начинали хвалить, то Крылатый не мог удержаться от некоторой дозы хвастовства, в то время как Шон только скупой изображал ироничную улыбку.

Седой появился в батарее незадолго до описываемых событий, но уже успев побывать в переделках во время сопровождения гуманитарных грузов по прифронтовым городам. Однажды, объявляя жене в Екатеринбурге о своём решении поехать добровольцем на Донбасс, он услышал в ответ жёсткую фразу: «Без рук и ног не возвращайся!» Этого было достаточно, чтобы уже через пару часов сидеть в плацкартном вагоне поезда, направляющегося в Ростов-на-Дону. За окном мелькали огнями нарядные ёлки, и страна готовилась встретить новый, 2015 год. Через двое суток он уже был в Донецке, как потом любил повторять: «В этот день моя жизнь изменилась навсегда – в неё пришла война».

Седой был самым возрастным батареейцем, повидавшим жизнь и мир, сочетавшим в себе отблески житейской мудрости, разбавленной юношеским максимализмом и даже мальчишеством. Парням нравилось слушать его рассказы о странах и уголках большой России, где ему посчастливилось пожить, занимаясь той сферой мироустройства, которой он посвятил когда-то долгие годы своей научной практики. В остальном на огневой, на БК или на учениях посторонний человек вряд ли смог бы выделить Седого из массы остальных бойцов. Ну, разве только по серебристой седине, которая присуща мужчинам, прожившим полвека на этой грешной планете Земля и повидавшим разное.

Мужчины спали и видели, быть может, сны из мирной жизни, которая, как уже многие на Донбассе понимали, откладывалась надолго...

Глава 3.

Корректировщики пробыли на «глазах» почти трое суток и вернулись под утро. Николай Амиго, в отличие от своего подчинённого, выглядел сумрачно и озлобленно. Лёня Студент, устало прихрамывая и поддерживая рукой правую половину задницы, еле ковылял, виновато опустив глаза.

Амиго сразу прошёл и разгрузился у командирской палатки, кинув вслед Студенту:

– Эй, придурок! Далеко не сваливай там. Камуфляж постирай и Бате верни, детонаторы с гранатними и мне принеси...

На это странное обращение Лёня кивнул головой и двинулся к своей палатке, которую делил с Седым на двоих.

Бойцы, знавшие не один месяц Николая, поняли, что Амиго расстроен не на шутку, всегда сжатая пружина его потревожена и вот-вот сработает...

В течение дня из красочного рассказа Коли Амиго, несколько раз поведанного в лицах и с соблюдением лучших традиций мастеров русского фольклора, братва знала практически каждую минуту того трёхдневного кошмара, который пришлось пережить бывалому разведчику рядом с этим «хреном моржовым», «ушастым дегенератом», «чмошным пентюхом» и «чучундрой дуболомовой». И это были далеко не все «ласковые» эпитеты, которыми Амиго одаривал с каждым новым пересказом своего недавнего напарника...

– Что же Студент там натворил? – спрашивали батарейцы, наблюдавшие сюжет словно ожившей картины Фёдора Решетникова «Опять двойка».

А дело, как потом стало известно, обстояло так...

...Солнце уже близилось к закату, когда их отвезли поближе к первой линии соприкосновения, оставив у самого подножья пологой возвышенности, покрытой пожухлой свалывшейся густой травой, косить которую было и некому, и некогда, и просто нельзя по причине крайней близости передовой.

– Смотри, Студент, сколько сена пропадает зазря, – по ходу движения заметил Амиго.

Лёня помалкивал, начиная задыхаться, не дойдя даже до середины пути к вершине холма. Под вечерним, но жарящим солнцем пот выходил из пор на его худом лице мелкими, но частыми крупницами. Он постоянно вытирал его, всякий раз снимая с головы уже насквозь промокшую кепку, но старался не отставать от быстро уходящего упругими шагами старшего группы.

– Слышь, Амиго, давай перекурим, сил нет, – умоляюще простонал Студент, сбрасывая на траву автомат и пытаясь избавиться от пузатого вещевого мешка.

– Отставить, воин! Пока до точки не доползём, нельзя стоять. Нам доложиться надо в точное время! – строго отрезал сержант и зашагал ещё быстрее.

Лёня тоскливо посмотрел на далёкую вершину и был вынужден поднять оружие, подчинившись приказу.

– А мы ещё и ползти будем? – сокрушённо спросил он.

– Метров сто на спуске, – изумлённо ответил Амиго. – Пока светло, как жучки и червячки будем передвигаться. Там и покурим в кулачок.

Последние метры до предела подъёма прошли на согнутых ногах, низко склоняясь к земле. Амиго, накинув на голову капюшон лохматого маскировочного костюма, вытащил бинокль и начал рассматривать открывшийся внизу пологий спуск, переходящий в узкую полосу равнины, на краю которой расположился густой кустарник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.